Судя по приведенным летописным отрывкам, гибель Торжка произвела большое впечатление на русское общество и содействовала укреплению союза между Новгородом и Москвой. Когда спустя два года, в 1375 году, Дмитрий Иванович во главе всех русских князей окружил Тверь и призвал себе на помощь новгородцев, они, по сообщению Симеоновской летописи, быстро собрались и через каких-нибудь четыре или пять дней явились под стены Твери, «князя великого честь изводяще, пачеже свою обиду отмщающе, бывшую у Торжьку».[1] А по словам Воскресенской летописи, новгородцы «повелением великого князя» подступили к Твери «с многою силою», «скрежетаху зубы на тверичь за свою обиду, еже на них бывшую».[2]

Военные действия 1375 года завершили в пользу Москвы тянувшуюся несколько поколений борьбу за то, кто должен возглавить движение русских земель за создание единого централизованного государства и кто поведет их в бой против носителей жестокого иноземного ига. Таким образом, события 1375 года явились необходимой предпосылкой Куликовской битвы. Происходившие в момент обострения отношений Москвы и с Мамаем и с Литвой, на которые возлагал все свои надежды Михаил Александрович, военные действия 1375 года выходили далеко за пределы соперничества Москвы и Твери и сразу приобрели характер общерусского предприятия. Как увидим, так понимали события и современники.

Дело началось с того, что в начале 1375 года «на христианьскую изгибель», как пишет тверской летописец, бежали из Москвы в Тверь сын московского тысяцкого Иван Васильевич Вельяминов и гость-сурожанин Некомат. Изменники Москвы, они несомненно были связаны с теми «доброхотами» Михаила Александровича (а, может быть, сами были ими), которые еще в 1370 году дали знать тверскому князю, что Дмитрий Иванович собирается поймать его на границе. Беглецы обратились к Михаилу Александровичу «со многою лжею и лстивыми (т. е. коварными, — *И. Б.*) словесы»,[3] обещая раздобыть ему великокняжеский ярлык. Михаил Александрович отправил их в Орду, откуда они действительно вернулись с ярлыком Мамая на великое княжение и с татарским послом Ачихожей. Одновременно сам Михаил поехал в Литву, где ему обещали помощь. Заручившись поддержкой Литвы и Орды, Михаил Александрович с торопливостью авантюриста («не дождав нимало») объявил Дмитрию Ивановичу войну («целованье сложил») и послал наместников с ратью в Торжок и Углич.

Эти действия вызвали грандиозный поход на Тверь всех русских князей и Новгородской земли во главе с Дмитрием Ивановичем. Собравшаяся против Твери коалиция была весьма внушительна по своей численности и силе. Но еще внушительнее был самый факт совместного выступления всех русских князей под руководством Москвы. Современникам был вполне ясен исторический смысл этого союза, всем острием направленного против самого опасного и смертельного врага Руси — Золотой Орды. «Вси бо, — гласит запись в Никоновской летописи, — вознегодоваша на великого князя Михаила Александровича Тверского». И дальше летописец вкладывает в уста Дмитрия Ивановича следующую гневную тираду: «Колико сей приводил ратью зятя своего, великого князя литовьского Олгерда Гедиминовича, и много зла христианом сътвори, а ныне сложися с Мамаем, и со царем его, и со всею Ордою Мамаевою; а Мамай яростию дышит на

---

[1] ПСРЛ, XVIII, стр. 116. Разрядка моя, — *И. Б.*
[2] ПСРЛ, VIII, стр. 22.
[3] ПСРЛ, XI, стр. 22.